

А.Л. Крупчанов

**Отражение цивилизационно-культурного противостояния
и проблема гуманизма в романах «Каменные сны» А. Айлисли,
«Эпоха мертворожденных» Г. Боброва
и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова**

Аннотация: Автор выдвигает мысль о возникновении в современной русской литературе четвертой волны эмиграции, вызванной распадом СССР и образованием русскоязычных литературных диаспор на постсоветском пространстве. Анализируются романы А. Айлисли (Азербайджан) «Каменные сны», Г. Боброва (Украина, ЛНР) «Эпоха мертворожденных» и А. Иванова (Эстония) «Путешествие Ханумана на Лолланд» с точки зрения противостояния и взаимопроникновения азербайджанской, армянской, русской, украинской, западноевропейских, азиатских и других типов культур.

Ключевые слова: современная русская литература, четвертая волна эмиграции, русскоязычные литературные диаспоры на постсоветском пространстве

Abstract: The author develops an idea that the fourth wave of emigration in contemporary Russian literature is a result of the collapse of the USSR and the formation of the Russian-speaking diaspora literature in the former Soviet space. The novels “Kamennye Sny” (“Stone Dreams”) by A. Aylisli (Azerbaijan), “Epokha Mertvorozhdennykh” (“The Epoch of Stillborn”) by G. Bobrov (Ukraine, LNR) and “Puteshestvie Khanumana na Lolland” (“Hanuman’s Travel at Lolland”) by A. Ivanov (Estonia) is analyzed in terms of confrontation and interpenetration of the Azerbaijani, Armenian, Russian, Ukrainian, Western, Asian and other types of culture.

Key words: contemporary Russian Literature, the fourth wave of emigration, Russian-speaking literary diaspora literature in post-Soviet space

Со времени распада «единой многонациональной советской литературы» прошло уже 25 лет. Если поначалу на себя обращали внимание такие позитивные явления, как отказ государства от цензуры, декларация принципа свободы слова, прекращение противостояния литературы метрополии и зарубежья, усиление фактора национального самосознания в литературах на постсоветском пространстве, многообразии художественных систем, то впоследствии проявились и негативные стороны историко-культурного процесса. Возникновение на пространстве СССР национальных государств привело не только к росту национального

самосознания, но и к обострению межнациональных конфликтов, вылившихся в военные противостояния. Сильно ослабли, в ряде случаев почти прекратились, литературные и культурные связи. Разумеется, этот процесс в разных республиках протекал по-разному. Где-то, как, например, в Казахстане и Белоруссии, государственная политика была ориентирована на сохранение связей; где-то, как, например, в Прибалтике, Грузии, политическая элита последовательно разрушала эти связи, но в целом взаимодействие литератур и культур существенно ослабло. Этот процесс объективен.

Что касается русской литературы, то уже в первой половине 1990-х гг. возникло явление, которое, на наш взгляд, вполне могло быть названо «четвертой волной эмиграции». Оно включало в себя как минимум два разнонаправленных процесса. Первый был обусловлен тем, что в начале 1990-х очень многие писатели покинули страну и обосновались в США, Франции, Израиле, Германии и др. странах. Причины выезда этих авторов поначалу рассматривались как материальные и бытовые, а не идеологические. Большинство из этих писателей не порывали окончательно связь с Россией, публикуя здесь свои произведения. Однако после событий 2008, 2012 и особенно 2014 годов довольно отчетливо проявилась тенденция к тяготению ряда уехавших авторов к политической оппозиционности в отношении к нынешней российской власти. В качестве примера можно вспомнить позицию Б. Акунина и Л. Улицкой. В целом идейные взгляды подавляющего большинства из этих литераторов можно назвать либеральными.

Другую группу авторов составили те, кто и вовсе не уезжал. Если угодно, это страна «уехала» от них. С 1990-х гг. практически во всех государствах – бывших республиках СССР сформировались русскоязычные диаспоры, там продолжали издаваться старые и стали возникать новые журналы на русском языке, появлялись пишущие по-русски прозаики и поэты. Идейные и эстетические установки этих авторов весьма различны. Большинство таких писателей стремятся упрочить связи с культурами стран, ставших новой родиной, и вместе с тем поддерживать связь с русской культурой. Эти авторы также, одними из первых на постсоветском пространстве, столкнулись с «издержками» процессов национальной самоидентификации – различными формами проявления национализма. Отчетливо выявился в сложившихся условиях и мотив «поиска утраченного рая», локализованного либо в отдалившейся и ставшей отчужденной, но все еще духовно «своей» России, либо во внешне очень привлекательных, но глубинно чуждых странах Западной Европы и США. В отличие от литературы первой волны эмиграции, которая изучалась и продолжает системно изучаться, литература современных диаспор в Прибалтике, Молдавии, Закавказье, Средней Азии, на Украине еще ждет своих исследователей.

Ряд писателей, представителей инациональных культур, счел необходимым и в новых условиях поддерживать взаимосвязь с русской литературой и культурой. Публикуя произведения на своих родных языках, они вместе с тем переводят эти книги на русский, что также в значительной мере способствует взаимному обогащению литератур и культур. Кроме того, русский язык становится языком-посредником, поскольку написанные на нем тексты воспринимаются читателями любых национальностей на всей территории бывшего СССР. Вместе с тем появилось немало написанных по-русски произведений, авторы которых декларируют разрыв с Россией и ее культурой.

В данном случае ключевыми вопросами становятся проблема противостояния и взаимодействия различных культур, столкновения и взаимопроникновения различных цивилизационных систем и проблема способности или неспособности современных людей сохранить такие человеческие качества, как совесть и сострадание в нынешних условиях. Национальные, религиозные, культурные, мировоззренческие различия, властные и материальные амбиции, действия третьих сил, неспособность не только широких масс, но и культурных слоев населения, интеллигенции к духовному и нравственному противостоянию насилию, мелочный эгоизм и трусость, попытки навязать чуждые системы ценностей, резкое обнищание широких масс приводят к войнам, этническим чисткам, вынужденной или добровольной массовой миграции. Данные проблемы нашли наиболее яркое отражение в трех знаковых произведениях современных авторов – романах «Каменные сны» А. Айлисли, «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова.

Эти писатели – представители различных культур. Кроме того, они принадлежат к разным поколениям. А. Айлисли (Наибов) родился в 1937 г. в Азербайджане, Г. Бобров – в 1964 на востоке Украины, а А. Иванов – в 1971 в Эстонии. Если для первого, начавшего печататься еще в конце 1950-х гг., его книга – результат всей его жизни, то для последнего – это лишь самое начало творческого пути. За плечами Акрама Айлисли – учеба в литинституте, многочисленные книги, работа главным редактором ряда журналов, секретарем Союза писателей Азербайджана, избрание депутатом азербайджанского парламента, скандал вокруг публикации романа «Каменные сны» и лишение звания «Народный писатель Азербайджана». Глеб Бобров – участник войны в Афганистане, работал преподавателем НВП, менеджером, занимался журналистикой, перешел к художественной литературе, был избран председателем Союза писателей ЛНР. Андрей Иванов, закончивший Таллинский государственный педагогический университет, – филолог по образованию. Несколько лет провел в Западной Европе. Жил в лагерях для перемещенных лиц в Дании и Норвегии. Работал сварщиком, дворником, оператором телефонной станции. Художественно отразил свой личный опыт в книгах, «за особые заслуги» получил эстонское гражданство и стал членом Союза эстонских писателей.

А. Айлисли, по-видимому, начал работать над текстом по «горячим следам» известных событий рубежа 1980–1990-х (карабахский конфликт, массовые беспорядки в Сумгаите и Баку), а закончил азербайджанский вариант в 2006–2007 гг. Перевод романа на русский язык был завершён к 2012 г. (опубликован в декабрьском номере журнала «Дружба народов»). «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва увидела свет в 2008 г. в издательстве «Эксмо» и стала, по мысли автора, результатом «трехлетних размышлений, полутора годов кропотливой работы и одного обширного инфаркта». А. Иванов начал писать свое «Путешествие...» в 1998 г., роман был опубликован сначала в 2009 г. в Германии на немецком языке и лишь спустя два года, в 2011, – в России издательством «АСТ».

В жанровом отношении А. Айлисли определил свое произведение как роман-реквием. Книгу Г. Боброва в критике называли футурологическим романом, но чаще романом-антиутопией. Сам автор назвал свою книгу романом «о реальном настоящем и возможном будущем». Произведение А. Иванова построено преимущественно по канонам авантюрно-приключенческого романа или романа-путешествия.

А. Айлисли показывает взаимоотношения армян и азербайджанцев. Г. Бобров предсказывает, что раскол русско-украинской цивилизации и попытка цивилизационной переориентации на Европу неизбежно приведет к гражданской войне. А. Иванов рисует взаимное отталкивание европейской и других типов культур (ближневосточной, индийской, армянской, славянской, цыганской и т. д.) в эпоху заката политики мультикультурализма, призванной включить представителей различных народов в европейскую действительность и избавиться от тех, кто по каким-либо причинам не может или не желает отказываться от своих взглядов.

Для того чтобы показать столь сложное и многоплановое явление, как цивилизационно-культурное взаимодействие, авторам приходится обращаться к изображению таких аспектов, как система ценностей, семейно-бытовой и религиозный уклады, общественная организация, специфика государственного-политического устройства, языковые вопросы, исторические взаимоотношения, обращение к архаичной или создание новой мифологии. Для решения этих задач авторы используют сложные пространственно-временные системы организации текстов, а Г. Бобров и А. Иванов также включают очень большое число действующих лиц и усложняют повествование за счет многочисленных связанных с этими лицами микросюжетов. И все же в каждом из произведений есть основные пространственно-временные планы, главные персонажи и сюжетные линии. Кроме того, можно выделить и основную проблему, соединяющую весь комплекс в единое целое. Так, главным героем «Каменных снов» является талантливый актер Садай Садыглы, а стержневым элементом проблематики становится традиционная, сформулированная еще А.С. Пушкиным максима: «...гений и злодейство – Две вещи несовместные». Именно неспособность героя промолчать, отойти в сторону, самоустраниться даже в опасной для жизни ситуации – он пытается спасти избиваемого ожесточившейся толпой совершенно незнакомого пожилого армянина – приводит и самого артиста в реанимацию. Далее в повествовании перемежаются картины, изображающие реальность больницы, и воспоминания о прошлом, возникающие в сознании искалеченного Садая.

Главный герой «Эпохи мертворожденных» – бывший журналист, ставший командиром диверсионно-разведывательного подразделения, Деркулов, которого западные журналисты называют Дракула, – попадает в российский фильтрационный лагерь. По запросу международного трибунала Деркулова разыскивают как военного преступника. Следователь военной прокуратуры, сочувствующий герою, предлагает ему самому выбрать дальнейшую судьбу. Деркулов выбирает трибунал, считая, что сможет противостоять лицемерию. Дальнейшее повествование строится как ответы на вопросы следователя.

Андрей Иванов в качестве основных персонажей использует своеобразный тандем. Повествование ведется от лица русского «эстонца» Евгения, которого называют «Юдж». Его напарник – индус Хануман (Ханни). Соединенные судьбой в поисках «утраченного рая», они путешествуют по Дании и Германии. Не имея законных оснований находиться в Дании, они оказываются в лагере для мигрантов. Ими движет мечта получить каким-либо образом вид на жительство и деньги и отправиться на Лолланд, датский остров счастья. То приворовывая, то продавая просроченные продукты, то разбирая на запчасти выброшенную на свалку технику, ввязываясь в различные авантюры, постоянно ожидая ареста и депортации, герои с трудом получают деньги на дешевую еду, алкоголь и наркотики. Пове-

ствование, таким образом, перестает быть линейно последовательным, поскольку зависит от состояния героев.

Все три автора включают в свои произведения сильный элемент автобиографии. Герой А. Айлисли – азербайджанец, не знающий ни одного слова по-армянски, родился и вырос в Айлисе (армянское название Акулис или Агулис). Это по нынешним меркам небольшое село писатель называет чуть ли не древней культурной столицей Армении. По преданию, именно там Месроп Маштоц создавал армянский алфавит. Практически все армяне в Айлисе были вырезаны еще в 1919 г. турецкими войсками и их немногочисленными приспешниками из местного азербайджанского населения. Чудом удалось выжить только двум женщинам. Образы этих женщин, уже постаревших, но сильных духом, навсегда врезались в память Сада Садыглы. Как и для автора, для героя особое значение имеют горы и чудом сохранившиеся армянские церкви. Айлис – это средоточие системы ценностей, соединяющее в себе ключевые образы детства и символ веры.

Г. Бобров, создавая образ Деркулова, также делает его луганским журналистом. Кроме того, наделяет его опытом афганской войны. Бывшие афганцы составляют костяк его подразделения и руководствуются в жизни теми же правилами, что и 25 лет назад. Герой, как и автор, не только хорошо знает и может описать, как работают различные машины смерти, но также, например, обучает молодых добровольцев стрельбе из снайперской винтовки (сам Г. Бобров служил в Афганистане снайпером).

Как и его Евгений-Юдж, А. Иванов уезжает из Эстонии к своим родственникам в Данию, но в конце концов герой понимает, что он для родственников становится обузой, мешает, и тогда принимает решение уйти, – но это уход в никуда для человека, не имеющего вида на жительство и работы. Всю боль, пережитую во время скитаний, всю неприглядную «изнанку» действительности автор трансформирует в свой текст.

Безусловно, каждый автор абсолютно индивидуален в выборе своего ракурса изображения. Герой А. Айлисли сразу назван гением. Эту характеристику дает ему его друг, артист Нувариш Карабахлы, который привозит избитого Сада в больницу. В романе акцентируется внимание на том, что Сада сыграл главные роли во всех спектаклях классического национального репертуара. Но он также и основной исполнитель в постановках классиков – Шекспира и Сервантеса. Да и сама эта пара, Сада и Нувариш, напоминает Дон Кихота и Санчо Пансу. Донкихотство героя – обратная сторона его гениальности. Он показан человеком, с детства не выносившим любую несправедливость. Он буквально заболел от этого. Несколько раз в тексте повторяется сцена убийства маленького лисенка, которая навсегда врезалась в память Сада. Позже, стремясь заступиться за оскорбленную девочку, он бросается в драку со своим другом, с самым сильным мальчишкой в округе. Став знаменитым артистом, он считает, что ничего не должен ожидать от власти («никогда и ничего не просите...»). Когда он узнает о намерении первого секретаря ЦК Азербайджана выделить ему квартиру, он во всеуслышание заявляет: «Положенную каждому государственную квартиру дает с таким одолжением, будто все дома в городе достались ему от его покойного отца», – и остается жить в своем старом жилье. Не получает он и звания Народного артиста. Однако когда бывший всемогущий хозяин республики оказывается отстраненным от власти и Сада Садыглы предлагают сыграть главную роль в обличительной пьесе, артист с негодованием отказывается. Он считает бывшего Первого хоть и автори-

тарным, но умным и талантливым, а его новоявленных клеймителей, еще вчера прославлявших его, – людьми и неумными, и бесчестными. Отказавшись в свое время от Государственной премии и заявив одному из членов ЦК: «...то, что у вас в кармане, – это не партбилет, а пистолет. Своим пистолетом вы запугиваете народ, держите его в страхе, чтобы самим жить без страха», – он также выступал и против ортодоксальной религиозности. Будучи приглашенным в славившийся набожностью его жителей район Баку Нардаран на праздник по случаю обрезания, он вместо поздравлений воскликнул: «Если бы в теле человека было что-то лишнее, разве же Бог был слеп, чтобы не видеть этого?.. Да кто велел вашему Пророку исправлять ошибку Бога?» Фактически этот же вопрос прозвучит из уст русской жены доктора Фарзани. Сделанное сыну обрезание станет причиной распада семьи – ухода жены и отчуждения сына. Этот же вопрос, по сути, содержится в знаменитой шутке Егише Чаренца: «мы им не дали... отрезать с того места жалкого кусочка ненужной кожи, а это дало им на редкость благовидный повод, чтобы зарезать всю нашу нацию». Религиозные традиции не должны становиться поводами к преследованию народов, распаду семей, какой бы то ни было вражде.

Жена артиста Азада ханум уверена в том, что ее мужу в первую очередь нужно подумать не о других, а о себе. Она считает, что современные армяне отнюдь не «ангелы небесные». Ведь в расправах над армянами в Баку в первую очередь принимают участие так называемые «еразы» (сокращенно ереванские азербайджанцы), изгнанные из Армении и Карабаха, лишённые своих домов и родины. Особенным ударом для Азады ханум становится высказанное мужем желание отправиться в Эчмиадзин и принять там христианство. Однако ее отец доктор Абасалиев объясняет дочери, что Садай этого никогда не сделает, потому что его Айлис и есть его Эчмиадзин, то есть святыня. «...Не в том дело, какими стали теперешние армяне, а в том – какие сейчас мы». Напомнив дочери сюжет поэмы «Лейли и Меджнун», доктор подытожил: любовь это – «чистое зеркало... в ней отражаются только доброта и милосердие. Она не от жизни, а от Бога». Садай Садыглы не может не попытаться спасти заведомо беззащитных, беспомощных людей. Он уверен, что при этом он защищает и все лучшее в его родном азербайджанском народе. Когда в его «каменных снах» перед ним возникают образы армян, то они прежде всего предстают трудолюбивыми, милосердными, верующими, ценящими прекрасное, носителями древней культуры и, наконец, приветливыми соседями. Как бы просто это ни звучало, для артиста нет плохих народов, но есть плохие люди. Злоба и ненависть в конечном счете приносят несчастье и тем, кто разрешил себе переступить через кровь невинных людей. Страдают не только они сами, но и их дети. Доктор Абасалиев указывает Садаю, что во всех домах, в которых пролилась невинная кровь, и спустя многие десятилетия происходят страшные события: дети и внуки убийц болеют тяжелыми наследственными заболеваниями. Кроме того, преступления рождают преступления уже и в новое время. Преступник, выбросивший из окна старую армянку и завладевший ее квартирой, уже не может на этом остановиться и проделывает то же самое с азербайджанцем. Герои Айлисли осознают, что всё, что происходит, не случайно, что есть и какие-то центры, из которых руководят толпой. Бывший одноклассник артиста, ставший крупным партийным деятелем, публикует в журнале «Коммунист» статью, в которой «доказывается», что Айлис и Карабах – исконные азербайджанские земли и что само слово «армянин» – это производное от азербайджанского. Но если стремление власти использовать низменные инстинкты толпы

в своих целях – явление хоть и бесчестное, но, к сожалению, не редкое, то особое значение приобретает роль интеллигенции. Садай Садаглы обвиняет власть, как прошлую, так и нынешнюю, как местную, так и союзную, но всё же основной упрек герой Айлисли бросает интеллигенции. Ее представители не только не выступили против кровопролития. Некоторые из них оказались прямыми подстрекателями. Так, например, автор поэмы о Ленине поэт Халилуллах Халилов, взявший себе псевдоним Улурух Туранмекан и написавший новое произведение «Карабах – ты моя святыня», призывает поджечь армянскую церковь. Для Айлисли человек, по-настоящему имеющий представление о святом, не может уничтожать чужие святыни и, конечно, не имеет права призывать к этому народ.

Главный герой Г. Боброва решает выступить перед международным трибуналом по нескольким причинам; это причины как личного, так и цивилизационного плана. Во-первых, в западной прессе его оклеветали и приписали преступления, которые он не совершал. Во-вторых, он рассчитывает использовать эту трибуну для того, чтобы рассказать о чудовищных преступлениях, которые совершались именем борьбы за утверждение европейских ценностей и о которых средства массовой информации, разумеется, умолчали. В-третьих, голос совести заставляет его рассказать и о том, что он сделал лично или что было сделано по его приказу. Это задачи, которые ставил перед собой герой. Автор же преследовал гораздо более сложную цель. Она заключалась в том, чтобы предупредить о надвигающейся катастрофе. Писатель считал, что идеология украинского национализма построена лишь на отрицании всего русского, а на отрицании построить ничего невозможно. Попытка насильственной украинизации должна была привести к конфликту с теми гражданами страны, для которых Россия и Украина были частями единого целого, одной цивилизации. Следствием данной политики неминуемо становился распад украинского государства. Обращаясь со страниц своего сайта к носителям новой украинской идеологии, Г. Бобров заявил: «...я свою часть общей работы сделал: смоделировал крайний сценарий развития событий... Теперь ваш черед – сделайте так, чтобы описанное будущее не стало реальностью». Спустя восемь лет можно констатировать: представленная в книге модель разрушения общества и государства, к сожалению, обрела реальные очертания. Сам Г. Бобров в своем интервью, данном второго июня 2014 РИА новости, говорил о том, что не совпало два момента: у Донбасса нет единого командования и на его территорию официально не введены войска НАТО. Очевидно и то, что Украина распалась не на три государства (Галицию, Центрально-Украинскую республику и Восточную конфедерацию), а на два. Не раскололся и Евросоюз. Однако большинство предсказанных в романе событий стало реальностью. Некоторые географические точки, упомянутые и описанные в романе, получили печальную известность в 2014–2015 гг.: Изварино, Лисичанск, Аэропорт, Дебальцево, Новый Айдар. Предсказана в книге и попытка ВСУ разрезать Донецкую и Луганскую республики надвое. Рисуя образы комбата Деркулова и его солдат и офицеров, писатель стремился подчеркнуть, что началом, их объединяющим, является не национальная идея и не противопоставление русского и украинского. В армии «Конфедерации» воюют представители разных национальностей – эта сила интернациональна, как интернационален и сам Донбасс. Они и говорят кто на русском, кто на украинском, кто с татарским акцентом. Изначально в группе Деркулова они собрались по разным причинам: по идейным соображениям, из желания отомстить, волею случая, по приказу начальства и т. д. – и вместе с тем они не приемлют навя-

звания им ненависти ко всему русскому. Костяк группы составляют афганцы. Безусловно, изображенная в романе действительность далека от идеальной, показан и переворот военных, которые свергли и расстреляли олигархическое правительство в Донбассе, толпы беженцев, разгул преступности, угрюмое равнодушие части населения, нехватка вооружения. Далеко не ангелы бойцы, и отношения между ними иногда остроконфликтные. Главный же вывод заключается в том, что гражданская война – явление страшное: она калечит человеческие души. Деркулову предъявляют обвинение в том, что он организовал нападение на воинскую часть «младоевропейцев». Никаких угрызений совести герой по этому поводу не испытывает: их было во много раз больше и вооружены они были несоизмеримо лучше. Устроив на них засаду, он хотел быстро отойти, но во время отхода был тяжело ранен один из его бойцов. Не имея возможности забрать его с собой и не желая оставлять на поругание врагу, Деркулов убивает его (ср. «Конармия» Бабеля). Каждая последующая ситуация оказывается все более и более трагичной. Командир приказывает расстрелять пленных, поскольку вывести их невозможно. Он уничтожает вражеский санитарный вертолет во время погрузки туда раненых, так как из этого вертолета был открыт огонь по его группе и убит его боец. Не удастся главному герою и защититься от расправы пленного летчика. Местные жители сжигают его заживо. Деркулов принимает участие в убийстве польского корреспондента: это был именно тот мерзавец, который на весь мир назвал Деркулова Дракулой, приписав ему расправу над мирными жителями, которую на самом деле учинили националисты. Наконец Деркулов приказывает повесить главаря бандитов, грабивших, насилувавших и убивавших мирных жителей. Все это приводит героя к нежеланию жить и презрению к людям: «...вершина пищевой цепи не человек, а аскариды... Те – хоть беззлые. Мы же всю историю кромсаем друг друга, и край привычному безумию не видно». И всё же Деркулов, оглядываясь в прошлое, сопоставляя Советский Союз, Афганистан и Украину, заявляет: «...мы жили в Стране и, вдруг, попали на задворки цивилизации, в государство второго сорта... хочешь изменить что-то к лучшему – готовься к жертве, к кресту. Так уж повелось на нашем шарике – всё на заклании держится... либо – с гранатой под танк – героем, либо под нож мясника – бараном. Так что нет никакой проблемы “потерянного поколения”. Всё, о чем мы говорим, – категория потерянной эпохи... Эпохи мертворожденных!» В конце концов герой Г. Боброва приходит к выводу, что войну надо вести не при помощи оружия: «Войны теперь ведут не полководцы... а те, кто на общественное мнение влияет». Так происходит понимание внутренней сущности новой разновидности войны, которую в последние годы стали называть «гибридной». Именно поэтому Деркулов и принимает решение «лишить их самой сути этой битвы» – предстать перед судом, выступить с обличительной речью, расстаться с жизнью, но «спасти свою бессмертную душу».

Герои А. Иванова, как и персонаж Г. Боброва, не претендуют на роль гениев. Тем не менее это люди глубоко образованные, интеллектуально развитые, разбирающиеся в вопросах философии, истории, культуры. Сложная система взаимоотношений, установившаяся между ними, изначально напоминает сформулированный Пушкиным тип «от делать нечего друзья». Да и русского интеллектуала зовут, как пушкинского героя, чье имя, как известно, в переводе означает «благородный». Его приятель, правда, уже не «полурусский», а индус, которого зовут так же, как царя обезьян в «Махабхарате». Как и между пушкинскими героями, между Юджем и Ханни много противоречий, однако спорить с часто впадающим

в истерику Хануманом очень сложно, поэтому первый обычно предпочитает воздерживаться от комментариев, либо комментирует про себя. Как и пушкинские герои, они оказываются непонятыми и не востребованными ни у себя дома, ни в Европе. Однако, в отличие от Онегина и Ленского, Юдж и Хануман – изгои, находящиеся вне общества, не вписывающиеся даже в систему жизни в лагере мигрантов. Чужими оказываются они в конечном итоге и в приютившей их коммуне хиппи. Не нужны они и своим родственникам. Причем ситуация с родственниками с пушкинских времен заметно усугубилась. «... Чем лучше им, тем почему-то хуже мне; и чем хуже мне, тем отчего-то лучше им! Еще – они имеют свойство помирать, ничего тебе не оставляя, кроме осадка невысказанных упреков... Ну их к черту!» – заявляет Евгений. Надо ли говорить о том, что ни своей Татьяны ни даже Ольги у героев А. Иванова нет, хотя у Ханумана, если верить его рассказам, остались жены сразу в нескольких государствах, через которые он добирался до Дании. Впрочем, он «ненадежный нарратор». Однако всё же проблема не в степени правдивости рассказчика, а в том, что никакого взаимопонимания между мужчинами и женщинами в художественном мире романа не существует. Персонажи произведения экзистенциально одиноки, что делает их в данном отношении скорее более близкими к персонажам романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Они были чужими везде, не только в Европе: «Я думать не хотел о том, что могло меня ждать в Эстонии; он просто не хотел возвращаться к своему прошлому». Чувствуя себя, как и герои И. Ильфа и Е. Петрова, чужими «на этом празднике жизни», они вполне могли бы заявить: «Никто нас не любит, кроме уголовного розыска, да и тот нас тоже не любит». «В этом тщательно расчисленном мире все было предусмотрено; найти закуток и затаиться двум таким вошкам, как я и Ханни, – считал Юдж, – практически невозможно. Всюду были глаза и камеры. Каждый был на телефоне. Даже деревья, посаженные особым образом, казалось, следили за нами и подавали сигналы кому-то, кто непременно следил за деревьями». Особенно опасной, если не сказать фатальной, могла стать встреча с полицией («ментами», как их на русский манер называл Юдж). Это грозило немедленной депортацией. Конечным пунктом путешествия для Ханумана, как и для героя «Золотого телёнка», была Америка. Правда, не Южная, а Северная. Поэтому Дания была лишь промежуточной ступенью в его планах. Отличало Ханни от Остапа и полное отсутствие черт мелкого беса, искусителя. Сам автор проводил параллель между своим героем и персонажем Диккенса: «Хануман – плутовской герой, актер, экстраверт, трикстер, писать его не так сложно. В нем есть черты Джингля из “Записок Пиквикского клуба”». Хануман не старался быть последовательным. Он мог сначала почти в стихах изъясняться в любви к Индии, а через некоторое время заявить: «Страна... в которой придумали буддизм и испытывают атомное оружие, это самая лицемерная страна в мире... и в ней я жить не буду!»

И вместе с тем двум постоянно «воевавшим» с друг с другом главным персонажам романа приходится помогать, а подчас и в буквальном смысле слова спасать друг друга. В ходе разнообразных эскапад им удается не только выживать, но давать образные и содержательные характеристики окружающей действительности. Герои видят перед собой европейцев – датчан, немцев, англичан, шведов, сербов. Казалось бы, Хануман и Евгений должны были испытывать чувство радости от того, что попали в страну с наиболее развитой цивилизацией. Однако вместо радости герои испытывают страх. «Особенно страшны были люди. Неприступные,

как бастионы. Гладкие плащи; выверенные жесты. Холодные, как безжалостные рельсы. Блеск очков; белизна зубов. Надежно сработанные, как столбы, подпирающие тусклое небо. За каждым числились определенные заслуги. Полезность обществу умножали списки ими регулярно посещаемых курсов. Над каждым светила неугасаемая звезда специализации. Каждого незримым флером оберегала сила какой-нибудь могущественной корпорации. Существа, рассчитанные на многие лета. Гарантийный срок покрывали страховые компании. Все было учтено. Даже случай...» В этом описании, данном интровертом Евгением, угадываются образы замятинских «Островитян». Импульсивный экстраверт Хануман кричит: «В этом Богом проклятом мире мы можем только изворачиваться! Эти гиены нам не оставили ни шанса! Эти шакалы все растаскали!.. Нам бросили кости сгнившей собаки! Стервятники! Они заперли любовь в банках, в сейфах! Акции розданы! Инфляция! Для таких, как мы, – очередь за пособием по безработице! Тарелка супа! Блохастые бомжи! А эти гниды, жирные особи неизвестно какого пола, они царственно и благородно дают нам тепло в кредит! Забирая последний вздох! ...Гнильца в глянце! Целлулоидные гуманоиды! Богоподобные андроиды в лимузинах! Все испортил европеец! Гот, гунн, гуингнм! Западноевропейский мозг все испохабил! ...Ты – славянин! Я – индус! Мы с тобой оба жертвы европейской цивилизации! Как же ты не поймешь этого! Ты же читал Кастанеду!...» Подобные выпады можно было бы воспринимать как ответную реакцию двух неудачников, не сумевших вписаться в иную реальность, однако это не так. Эта реальность оказывается мнимой, исполненной фальши, одним словом такой, в которую герои не хотят вписываться, потому что она экзистенциально чужеродна. Вместе с тем Хануман и Евгений достаточно наблюдательны для того, чтобы рассмотреть и осмыслить чужую жизнь. А. Иванов создает, если угодно, энциклопедию западноевропейской действительности. Точнее, это энциклопедия обратной стороны, антимира. Главные персонажи романа недоумевают, на каком основании датчане всё еще с гордостью именуют себя потомками викингов? Ведь история для современных людей – это не более чем часть туристического бизнеса. От национальной идентичности остается лишь внешняя атрибутика – флаги, путеводители и диакритические знаки на дорожных указателях. «Выросли из викингов в космополитов», – резюмирует Хануман.

Суду героев подвергаются также семейный уклад, отношения между мужчинами и женщинами, воспитание детей, стремление избавиться от стариков, исполнение профессиональных обязанностей, отношение к религии. Так, например, с точки зрения индуса и русского, оказываются несовместимы западноевропейская проповедь Христианской любви и стремление сдать пожилых родственников в приют. Обсуждают Юдж и Ханни и такие явления, как демократия и конституционная монархия, работа миграционного департамента в Дании. Служащие департамента, рассматривая различные ‘кейсы’ (так называются заявления мигрантов о предоставлении убежища), почти всегда отказывают просителям в праве остаться в стране. Исключение может составить разве что случай с непальцем, который, будучи гомосексуалистом, написал, что в случае экстрадиции на родину его могут там подвергнуть преследованиям. Очень образно и зачастую саркастично отображаются европейские города, транспорт, улицы, фирмы, бары, магазины, дискотеки, дома, квартиры, окна, двери, одежда, еда. Особенно ценными для героев являются городские свалки, где, например, можно погреться в машинах, тем более что в баках некоторых автомобилей хозяева оставили бензин, или разобрать

выброшенные компьютеры на запчасти, из которых впоследствии можно собрать работающий экземпляр и продать его.

Антимир этого антимира, т. е. еще более «расчеловеченный» уровень, создан в романе прежде всего за счет образов мигрантов, представителей различных диаспор. Албанцы, афганцы, цыгане, сербы, армяне, выходцы из бывшего СССР воруя, ведут незаконную торговлю наркотиками, бензином, просроченными продуктами, табачными изделиями, документами и т. д. Таких персонажей десятки, и с большинством из них связан отдельный микросюжет, что в итоге формирует масштабную и весьма многоплановую картину жизни.

Средоточием мира мигрантов становится образ лагеря. У главных персонажей романа А. Иванова вызывает отторжение практически всё: пейзаж, интерьеры, звуки, доносящиеся с улицы или из соседней комнаты, даже запахи. Хотя Евгений и утверждает поначалу, что гнилая картошка, которую жарят по вечерам албанцы, не так воняет, как запах удобрений, доносящийся с датских полей через раскрытое окно, причем окно должно быть открыто в любое время года, даже зимой, чтобы в случае появления «ментов» успеть выпрыгнуть и скрыться. Это противопоставление запахов в конечном итоге, разумеется, оказывается мнимым и снимается, поскольку реальность жизни в лагере мигрантов ничуть не лучше жизни в обществе, как в прошлом, так и в настоящем. «И в чаду сквозь сон думалось мне, что таков мир, в который я вляпался, как в дерьмо, родившись не под той звездой. На кумарах думалось мне, что якобы было так предначертано, чтоб, выбившись однажды из мне привычного круга, оторвавшись от мерзкой, но привычно мерзкой жизни, от обычного хода вещей, я, как колесо, снявшееся с оси родной телеги, должен был покатиться да и угодить неизбежно сюда... в кювет... Потому что почти вся мерзость мира сконцентрировалась в этих стенах, среди отбросов, грязи, воров, наркоманов, беглых террористов, симулянтов, спекулянтов, оборотней-ублюдков, притворяющихся беженцами, жуликов, бежавших в эту страну в поисках сладкой жизни, а оказавшихся в этом курятнике, в этой вонючей клоаке» – так охарактеризовал мир лагеря Евгений. Из этого фрагмента отчетливо видно, что экзистенциальная тошнота, постоянно подкатывающая к горлу героя, является не просто одним из художественных средств, а основополагающим принципом изображения. Ни о каком «культурном взаимодействии между представителями различных цивилизаций», кроме отторжения, в такой ситуации говорить не приходится. Заселившись от безысходности в комнату непальца, Хануман и Евгений при малейшей возможности пытаются уйти оттуда, но вновь и вновь вынуждены возвращаться.

Одним из ключевых мотивов, если не лейтмотивом романа, становится мотив разложения. Хануман «доходил до того, что уже просто называл Данию двумя буквами – ДК, и произносил он их не иначе как “decay”».

В прямом и переносном смысле разложению подвергается все, что окружает героев. Однако они научились жить в такой среде. Даже когда умирает хозяин бара, сделавший заказ на дизайнерское оформление своего заведения, герои продолжают жить в доме покойника, и вовсе не запах разлагающегося тела, а вероятность скорого появления полиции заставляет их вернуться в лагерь. В мире, где все выставляется на продажу, подвергается разложению и искусство. С острым сарказмом создан образ русского художника Михаила Потапова, который каждое утро ругает свою маленькую дочь Лизу. «Он человеком быть не умеет, а еще художником хочет называться», – констатирует Хануман. В конечном итоге «карти-

ны», которые рисовали на пятидолларовых холстах специально обученные слоны, продавались с гораздо большим успехом, чем то, что смогли создать люди, называющие себя современными художниками.

Впрочем, распад имеет в романе не только отталкивающую, но и притягательную ипостась. В противовес окружающей действительности Ханни создает для себя «идеальный» мир острова Лолланд, датского аналога знаменитой Ибицы, псевдоя, где для людей с деньгами доступно всё: дорогой алкоголь, наркотики, любовь. Там, в зависимости от количества средств, можно почувствовать себя человеком если не первого, то хотя бы второго сорта. Правда, этот идеал ускользает от героев, как ускользает Рио-де-Жанейро от Остапа Бендера и Петушки от героя Венечки.

В финале романа Евгений, мошенническим путем раздобывший деньги якобы для возвращения в Эстонию, во что поверили все, даже плут Хануман, предлагает своему приятелю отправиться таки на Лолланд. Хануман потрясен и счастлив, однако у читателя создается ощущение, что и на этот раз героям не удастся осуществить задуманное. Во всяком случае, концовка остается открытой.

Таким образом, А. Айлисли, Г. Бобров и А. Иванов, каждый по-своему, показывают деградацию культуры и распад системы ценностей. В разных частях Европы и Азии герои А. Айлисли и Г. Боброва стремятся противостоять расчеловечиванию при помощи прямого действия, однако характер этих действий различен. Персонаж А. Айлисли пытается спасти невинных людей и, приняв удар на себя, погибает. Он, единственный из выросших среди руин чужой цивилизации, сумел воспринять всё лучшее в ней, вобрать ее в себя. Дар перевоплощения открылся в нем с детства, по-видимому, поэтому он стал гениальным артистом. Вместе с тем он вобрал в себя также и все лучшее, что было в его родной азербайджанской культуре, – правдивость, честность и милосердие. Без праведника, способного из чистой любви сострадать людям, общество ждут тяжелые времена. Возможно, именно эту мысль подчеркнул автор, указав в финале дату похорон Садая – 12 января 1990 г. События 13–19 января 1990 г. и последовавший за ними ввод войск в Баку стали одними из самых трагических страниц в новейшей истории Азербайджана.

Герой Б. Боброва сначала вступает в вооруженную борьбу с тем, что он считает злом, однако впоследствии отказывается от кровопролития и, приняв решение сдаться международному трибуналу, переносит противостояние в сферу духа.

Его цель – доказать, что попытка оторвать одну часть русской цивилизации и культуры от другой и якобы присоединиться к европейской цивилизации и культуре является ложным выбором, поскольку европейская культура вовсе не единое целое. А кроме того у Г. Боброва изображена попытка агрессии в культурное ядро нации. Целевой аудиторией атаки является прежде всего молодежь. Главной задачей становится отрыв молодого поколения от традиционных ценностей и воспитание потребительства под видом прогресса и вседозволенности, подменяющей свободу. Герой писателя осознает, что полем сражения в нынешних условиях становятся умы и сердца людей, и видит свою главную цель в том, чтобы не дать осуществиться программе по созданию нового поколения потребителей, живущих для удовлетворения своих физиологических инстинктов.

А. Иванов, в отличие от других авторов, показывает человека, не готового ни воевать, ни защищать кого-либо. Его герои стремятся найти себе место в этом мире, тем более что западноевропейский путь развития еще совсем недавно объ-

являлся безальтернативным и магистральным путем всего человечества. А. Иванов побуждает читателя осознать, что, в значительной степени утратив свои национальные культуры, европейские народы новую единую культуру не создали. Как известно, Л. Толстой определял добро как то, что объединяет людей. Современная же цивилизация, напротив, разъединяет, точнее – атомизирует общество, чтобы затем использовать стандартизированные человеческие единицы при создании различных фирм и корпораций. Люди-атомы должны в конкурентной борьбе занимать соответствующие их потенциалу места, формируя сначала молекулы, а затем ткани и органы современного общественного организма. Одним из наиболее безжалостных «инструментов человеческой стандартизации» становится лагерь для мигрантов, где «на аршине пространства» (Ф. Достоевский) сталкиваются между собой представители различных культур. Западное общество, в котором потребляют не только предметы, но и людей, в изображении писателя оказывается лишенным какой бы то ни было привлекательности.

Особое внимание все три автора уделяют попыткам реставрации архаичных мифов, неомифологизации и демифологизации как средствам работы с массовым сознанием. Ярко рисуются современные способы «штурма» традиционных культурных символов и табу. Авторское же отношение к этим явлениям определяется, прежде всего, нравственными критериями.

Подводя итог анализу произведений русскоязычной литературы и литературы диаспор, можно сделать вывод, что современные авторы создали целый ряд произведений, заслуживающих пристального внимания и изучения, как в самостоятельном аспекте, так и в контексте рассмотрения литературы метрополии, и что вопросы взаимодействия культур в современных условиях оказываются одними из наиболее значимых.

ЛИТЕРАТУРА

Айлисли А. Каменные сны // Дружба народов. 2012. № 12 (magazines.russ.ru/druzhba/2012/12/aa5.html)

Боброва Г. Эпоха мертворожденных. М.: Эксмо, 2015. 384 с.

Иванов А. Путешествие Ханумана на Лолланд. М.: Аст; Астрель, 2011. 416 с.

REFERENCES

Aylisli A. Kamennyje Sny (Stone Dreams). *Druzhba Narodov*. 2012. No 12 (magazines.russ.ru/druzhba/2012/12/aa5.html).

Bobrov G. (2015) *Epokha Mertvorozhdennykh* (The Epoch of Deadborn). Moscow. Eksmo Publ. 384 p.

Ivanov A. (2011) *Puteshestvie Khanumana na Lolland* (Hanuman's Trip to Lolland). Moscow. Ast; Astrel Publ. 416 p.

Сведения об авторе:
Андрей Леонидович Крупчанов,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey L. Krupchanov,
PhD
Docent
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University